

*Плодоносна и широка область истории;
в ее пределах лежит весь нравственный мир.*

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР, 1789*

* Пер. П. И. Вейнберга.

Предисловие и благодарности

Я начал эту книгу осенью 2015 года, вскоре после того, как канцлер Ангела Меркель открыла границы Германии для сотен тысяч беженцев. Я завершил ее осенью 2022-го, через девять месяцев после того, как российско-украинский конфликт побудил канцлера Олафа Шольца объявить о “новой эре” (*Zeitenwende*). Однако эта книга основана на десятилетиях размышлений, проведенных в попытках выяснить, что значит быть немцем после Гитлера. Это неизбежный вопрос, который приобретает особый смысл, когда живешь за границей. Я родился и вырос в Гамбурге и покинул страну только в 1986 году, переехав сначала на учебу в Англию, а затем в Соединенные Штаты, чтобы получить докторскую степень и свою первую преподавательскую должность. С 2000 года я снова жил в Лондоне, за исключением нескольких поездок за границу. Хотя я сохранил тесные связи со своей родной страной и часто приезжаю в нее, я наблюдал важные изменения со стороны: от падения Берлинской стены до переоценки представления о роли Германии сегодня. Быть эмигрантом нелегко, даже если это добровольная эмиграция, но у нее есть одно преимущество: она учит переключаться между двумя состояниями — своего и чужака, — по-прежнему симпатизировать стране, где ты родился, но, сохраняя достаточное расстояние, при этом воспринимать ее критически. То, что дома может показаться естественным и нормальным, за границей начинает восприниматься как своеобразное, даже странное. Жизнь в чужой культуре — с женой-американкой, двумя детьми и восемью паспортами на всех — стала отличной тренировкой для такой межкультурной чувствительности.

Я написал эту книгу, ориентируясь на две читательские аудитории. Одной из них являются иностранцы, которых Германия часто сбивает с толку, а иногда даже пугает. Большая часть того, что они знают о ней, относится к нацистскому периоду. Осведомленность о холокосте, конечно, исключительно важна, но она не должна влечь за собой незнание всего того, что происходило потом. Ужасно и тревожно осознавать, как мало известно о Герма-

нии после Гитлера гражданам стран-союзников, которые пролили так много крови, чтобы победить его, и представителям обществ, которые были разорены и уничтожены его режимом и теперь соседствуют с Германией в Европейском союзе. Заслуживают истории, написанной с более широким охватом, и жертвы. Эта книга пытается хотя бы частично восполнить этот пробел, подвергнуть сомнению простые стереотипы и вдохновить читателей на то, чтобы узнать больше. Однако она написана и для самих немцев. Хотя многим из них известны основные события их истории, я надеюсь, что особая точка зрения, представленная в книге, сделает часть этой истории вновь незнакомой и позволит им увидеть свое прошлое и настоящее в новом свете. За последние восемьдесят лет Федеративная Республика справилась со многими проблемами, но слишком удобно рассказывать об этом как об истории успеха, особенно сейчас, когда страна ищет новое направление и должна противостоять проблемам и неудачам. Настало время более самокритичного взгляда на недавнее прошлое. Несомненно, одни читатели сочтут меня местами излишне резким, а другие — недостаточно резким. Чтобы внести ясность, скажу: моей целью было понять и объяснить, а не вынести суждение.

Написание этой новой истории было бы невозможно без щедрой поддержки многих людей и учреждений. Моя первая благодарность должна быть адресована Фонду Александра Гумбольдта за присуждение мне премии *Humboldt Forschungspreis*, она дала мне столь нужную возможность провести больше времени в Университете Гумбольдта в Берлине и Университете Констанца, которые гостеприимно приняли меня. Коллективная благодарность многочисленным архивистам, которые поделились со мной своими знаниями и коллекциями. Когда я задумал эту книгу, мне посчастливилось получить совет и поддержку двух великих историков — Яна Кершоу и Аксея Шильдта. Очень печально, что второй из них не дожил и не сможет уже увидеть конечный результат. Я чрезвычайно благодарен ряду ученых, работа которых послужила мне источником вдохновения и которые любезно прокомментировали черновики глав: Паулю Беттсу, Франку Биссу, Маркусу Бойку, Дэвиду Фельдману, Константину Гошлеру, Рюдигеру Графу, Кристине фон Ходенберг, Марен Мёринг, Александру Нютценаделю, Тиллю ван Радену, Лауре Ришбитер и Феликсу Рёмеру. Беньямин Циманн любезно уделил свое внимание рукописи в целом. Несколько семинаров и конференций дали мне возможность обсудить возникающие аргументы, в том числе в Гумбольдте, Констанце/Райхенау, Лондоне, Париже, Хельсинки, Калифорнийском технологическом институте и Центре истории эмоций Института человеческого развития Макса Планка (Берлин). Вместе они помогли мне сделать эту книгу лучше. История современности в Германии процветает, и мой долг перед исследованиями многих молодых и пожилых ученых будет очевиден из сносок. Библиотеки Берлина, *Forschungsstelle* в Гамбурге и Институт современной истории (*IfZ*) в Мюнхене

во время многочисленных посещений предоставляли мне как самую малоизвестную, так и самую свежую литературу. Спасибо также всем сотрудникам (бывшим и настоящим) Лейбницевского центра современной истории (ZZF) в Потсдаме. В Великобритании Немецкий исторический институт в Лондоне остается драгоценным оазисом толерантности и знания, и я не смог бы закончить эту книгу без его великолепной и помогающей делу библиотеки.

На нескольких этапах мне посчастливилось работать с изобретательными и гениальными научными ассистентами, которые разыскивали разрозненный материал и собирали сложные данные: Хизер Чаппеллс, Рииттой Матилайнен, Расмусом Рандигом и Яспером Штанге. На этом пути мне помогали и давали советы многие, в том числе: Гюнтер Бахманн, Патрик Бернхард, Уте Фреверт, Герхард Хаупт, Ульрих Герберт, Сэде Хормио, Илья Кавониус, Фолькер Новосадтко, Хельге Пёше, Мартин Забров, Андреас Шёнфельдер, Гюнтер Шольц, Бернд Шраге, Эльке Зеэфрид, Бербель Шпенглер, Николас Старгардт, Агнес Штида и ее семья, семья Тагизаде, Мальте Тиссен, Дитер Томе и Клаус Тёпфер. В Биркбеке исторический факультет остается редким пристанищем коллегиальности и воображения. Также передаю *kiitos* всем сотрудникам Центра исследований общества потребления в Хельсинки за поддержку моих набегов на территорию морали. Я благодарю Совет по исследованиям в области искусств и гуманитарных наук (Великобритания) за грант на изучение темы “Материальные культуры энергии”, который оказался своевременным в ситуации возврата энергетического кризиса и помог мне с последней главой. Дэвид Годвин, мой агент, вдохновил меня на непростое изучение немцев, и мне посчастливилось от начала до конца пользоваться поддержкой, мудростью и терпением Стюарта Проффита из *Allen Lane/Penguin* и Джонатана Сигала из *Knopf*. Нина Зиллем подарила книге немецкий дом в *Fischer*, где Таня Хоммен взяла ее под свое экспертное крыло. В *Allen Lane* моя отдельная благодарность уходит Ричарду Дугиду, Ориолу Гриффит-Джонсу, Ричарду Мейсону, Фони Мицопулу, Элис Скиннер и Пену Фоглеру.

Помимо личной борьбы за приобщение немца к цивилизации, моей жене и детям в течение последних нескольких лет пришлось жить бок о бок с немецким народом постгитлеровских десятилетий. Как и в случае с предыдущими книгами, мне не хватает слов, чтобы выразить благодарность моей жене Элизабет Раддик за ее поддержку, ум и внимание к словам. Она не только заставила меня сделать мои доводы более ясными, но также прочитала несколько черновигов и помогла мне отшлифовать текст. Ни один автор (или муж) не мог надеяться на большее. Однако эта книга посвящена человеку, который был рядом со мной с самого начала: моей матери.

Лондон
Август 2023

Введение

В 1945 году Германия лежала в руинах, морально и материально. Немцы вели самую жестокую войну в истории и несли ответственность за геноцид и массовые убийства. Семьдесят лет спустя та же страна приняла почти миллион беженцев. Для сочувствующих наблюдателей Германия стала голосом морали в Европе. Но были и те, кто считал ее безрассудным агентом морального империализма, который настолько стремится творить добро, что ставит интересы чужих людей выше своих собственных. Возвращение крайне правых в парламент в 2017 году возродило давний страх, что немцы на самом деле не изменились.

После февраля 2022 года опасения сменились на противоположные: возможно, немцы изменились слишком сильно. Впервые с 1945 года Европа имела дело с захватом территорий в ходе конфликта. Это поставило под сомнение двойную стратегию, с помощью которой Германия наращивала свою мощь: глобальный экспорт и военная сдержанность. Многие немцы пришли к убеждению, что, поскольку они изменились, Европа теперь избавлена от повторения прошлого. Российско-украинский конфликт разрушил это предположение. 27 февраля 2022 года канцлер Олаф Шольц объявил о начале *Zeitwende*, новой эры, и пообещал выделить 100 миллиардов евро на истощенную армию Германии¹. Но вопрос о поддержке, которую следует оказать Украине, оказался более спорным. В мае группа известных художников и интеллектуалов написала канцлеру письмо, в котором напомнила об их особой “исторической ответственности” и убеждала его сопротивляться призывам отправить в Украину тяжелое вооружение². Проработав кровавое прошлое своей страны, некоторые сочли себя экспертами в вопросах морали, способными руководить всеми остальными, включая украинцев, которые были одними из жертв нацистской Германии. К концу лета Германия отправила Украине десять самоходных гаубиц, но по большей части помогала деньгами, медикаментами и касками³. Лишь после усиления давления со стороны союз-

ников Германия в январе 2023 года согласилась отправить боевые танки в рамках совместных усилий НАТО. Этот конфликт также показал, что судьба страны оказалась в опасной зависимости от авторитарных режимов в силу закупок ископаемого топлива в России и торговли с Китаем.

В своем классическом виде “немецкая проблема” подразумевает вопрос, как страна поэтов и философов смогла устроить холокост. Этот вопрос вдохновил на создание целых библиотек исследований о немецком пути к современности, о поражении Веймарской республики и приходе Гитлера к власти в 1933 году, о функционировании нацистского режима и появлении идеи об окончательном решении “еврейского вопроса”. Но у этой проблемы есть и продолжение. Как люди вышли из тоталитаризма, завоеваний и геноцида — и куда они пошли дальше? Эта книга рассказывает о немцах со времен Второй мировой войны, раздела и воссоединения их страны (в 1990 году) до настоящего времени, рассматривая ряд моральных проблем и противоречий. Этот процесс был запущен войной и ее наследием, но пошел гораздо дальше и проложил себе путь через семью, работу, внешнюю политику и окружающую среду, пока фактически все сферы жизни не были оформлены с точки зрения добра и зла. Это история конфликтов на тему вины, стыда и возмещения ущерба, перевооружения и пацифизма, толерантности и расизма, прав и обязанностей, справедливости и неравенства, материального комфорта и охраны природы.

В моей книге эта история начинается не с окончания войны, а с ее середины, с зимы 1942–1943 года. Безоговорочная капитуляция перед союзниками 7 мая 1945 года ознаменовала формальный конец нацистской Германии и войны в Европе. Но во многих отношениях это не был “нулевой час”, как его стали называть впоследствии. Изменить сердца и умы было сложнее, чем снять военную форму. Люди вступали в мирную эпоху, обремененные багажом военного опыта. Выбор 1942 года в качестве отправной точки позволяет нам изучить *Volksgemeinschaft* (народное расовое сообщество) нацистов в критический момент, в год, когда Германия перешла от пуль к газовым камерам для уничтожения евреев и когда волна войны начала оборачиваться против рейха.

Власть нацистов была огромной, поскольку они правили посредством согласия в не меньшей степени, чем посредством принуждения. Они пользовались широкой поддержкой со стороны среднего и части рабочего классов, а также земельных элит и крупного бизнеса, не говоря уже о том, что запугивали “врагов” с помощью гестапо (тайной полиции) и СС (*Schutzstaffel*), жестокой военизированной организации. К 1939 году большинство “арийских” немцев принадлежали к той или иной нацистской организации. Порядок, дисциплина и восстановление национальной чести и силы были популярными идеалами, равно как и исключение расовых, политических и социальных “неудачников” из “народного сообщества”. Хотя не все немцы

приветствовали начало новой войны, почти все они считали ее необходимой и справедливой. Однако подразделения СС начали казнить евреев и военнопленных с момента нападения на Польшу 1 сентября 1939 года, а вторжение в Советский Союз (операция “Барбаросса”) 22 июня 1941 года было предпринято как часть войны на истребление. В сентябре того же года Гитлер приказал депортировать всех евреев, оставшихся в рейхе. Именно тогда нацисты увеличили количество газовых камер, которые они использовали для убийства людей с ограниченными возможностями в Германии, и создали лагеря смерти в Польше, где евреев со всего континента убивали по прибытии. Хелмно, первый из этих центров смерти, начал действовать в декабре 1941 года; за ним последовали Белжец, Собибор, Трешлинка и самый крупный — Аушвиц. За 200 тысячами немцев, совершивших геноцид и другие военные преступления, стояла регулярная армия, которая во многих случаях помогала и соучаствовала в массовых убийствах, а за теми и другими стояло население, подавляющее большинство которого поддерживало режим. Таким образом, для миллионов немцев Третий рейх не был чем-то внешним, стиснувшим мертвой хваткой их в общем-то хорошее “я”, как многие любили притворяться после 1945 года, — они были его частью и должны были перепределить себя, чтобы вновь почувствовать себя “хорошими”.

Именно тот поворот судьбы, который начался в 1942 году, заставил некоторых немцев сделать первый шаг. В рейхе города подвергались все более беспощадным бомбардировкам с воздуха со стороны союзников, в то время как на Восточном фронте немецкие военные действия застопорились и закончились капитуляцией 6-й армии под Сталинградом 2 февраля 1943 года. Родители начали спрашивать, за что умирают их сыновья. Истории о зверствах нацистов стали восприниматься совсем иначе, поскольку уязвимость вызывала страх ответственности. Сегодня мы знаем, что ковровые бомбардировки преследовали военные цели. Однако в то время многие немцы считали, что бомбардировки были напрямую связаны с преследованием евреев, что провоцировало возникновение диаметрально противоположных мыслей о добре и зле. Были ли бомбежки возмездием за депортацию их еврейских соседей, проявлением Божьего гнева — или же они были доказательством того, что евреи замыслили уничтожить немецкий *Volk*, и, следовательно, дальнейшим оправданием их уничтожения? Переоценки ценностей было недостаточно, чтобы свергнуть нацистов — для этого требовались танки и солдаты союзников, — но в *Volksgemeinschaft* начали появляться трещины.

Путь из тьмы был долгим и трудным, пролегая через дебри моральных испытаний. Поражение, смерть и разрушения подняли важные вопросы преступления, наказания и возмещения ущерба. Нацистская Германия убила 6 миллионов евреев, 3 миллиона советских военнопленных, 8 миллионов советских, польских и сербских граждан-неевреев, почти полмиллиона цыган,

четверть миллиона инвалидов и многие тысячи политических оппонентов, “асоциалов”, гомосексуалов и свидетелей Иеговы⁵. Немецкие войска опустошили Балканы и Восточную Европу. Кто был виноват в этом и кто должен был за это заплатить? Приспешники Гитлера, члены нацистской партии или население Германии в целом? Вина соперничала со стыдом и отрицанием, а денацификация — с антисемитизмом и призывами к амнистии. Правосудие переходного периода — то, как общество реагирует на наследие конфликтов и массовые нарушения прав человека, — сталкивается с внутренними трудностями, связанными с попытками сбалансировать ответственность и наказание с примирением. В случае Германии к этому добавилось и то, что ее демократический запад и социалистический восток пытались восстановиться и занять противоположные позиции в холодной войне. Возмещение ущерба выглядело по-разному по обе стороны границы. Коммунисты были среди первых жертв нацистов, и Германская Демократическая Республика (ГДР) считала себя плодом героической победы коммунистов. В то же время Федеративная Республика определяла себя как законную преемницу Третьего рейха, что означало принятие на себя его обязательств. Однако это все еще оставляло открытым вопрос о том, кого считать жертвами нацистов и какие группы людей и какие страны имели право на компенсацию: немецкие евреи или все евреи, политические заключенные, гомосексуалы, цыгане, иностранцы, иностранные государства? Не все считали правильным предлагать или принимать деньги в качестве возмещения ущерба от преступлений нацистов.

Сегодня немцы определяют себя через критическую конфронтацию со своим прошлым. Как сказал в 2015 году президент Йоахим Гаук: “Без Аушвица нет немецкой идентичности”⁶. Сразу за Рейхстагом и Бранденбургскими воротами расположены большие мемориалы убитым евреям и цыганам. Когда дело доходит до признания кровавого прошлого, Германия является мировым лидером и часто рассматривается как модель, на которой другие могут учиться. Из ее рук эстафетную палочку перехватили несколько стран, в частности, в 2018 году Бельгия принесла извинения за свои колониальные преступления в Конго. Однако ни одно из государств не превратило прошлые грехи в источник гражданской гордости, как это сделала Германия⁷. Напротив, в Италии и Испании расплата за фашизм остается медленной и неоднородной: Франко выселили из его огромного мавзолея только в 2019 году, а в Японии военных преступников до сих пор продолжают чтить в токийском храме Ясукуни. В Польше любому, кто станет утверждать, что поляки также несут ответственность за преступления, совершенные нацистской Германией, грозит тюрьма. Американцы и британцы резко расходятся во мнениях о том, как помнить и исправлять преступления рабства и империи.

Приход к согласию по поводу того, как относиться к преступлениям нацистов, стал неотъемлемой частью моральной трансформации Германии, но это произошло в середине нашей истории и стало лишь одним из источников перемен. Это правда, что уже в 1950-х годах группы молодых людей совершали поездки в концентрационный лагерь Бельзен, первые выжившие узники лагерей общались со школьниками, а Ульмский процесс против отрядов убийц (*Einsatzgruppen*) в 1958 году привлек внимание общественности. Современники стали призывать к использованию “*Vergangenheitsbewältigung*”, одного из тех емких сложных слов, которые так любит немецкий язык. Это может означать как способность совладать с прошлым, так и его преодоление (что, строго говоря, невозможно, поскольку бывшее нельзя сделать небывшим). Философ Теодор Адорно в 1963 году предложил термин “*Aufarbeitung*” (“проработка прошлого”), и с тех пор многие писатели последовали за ним⁸. Однако в то время для большей части немцев прошлое, которое они хотели помнить, означало их “хорошую” войну и их страдания, а не то, что они сделали другим. Критическая память набрала силу только в 1970-х и 1980-х годах, когда холокост постепенно переместился в центр общественной памяти.

Существует распространенное мнение, что именно расплата с прошлым сделала немцев моральными крестоносцами в настоящем. Говорят, что после того, как чувство вины первоначально было подавлено, в Западной Германии 1960-х годов уже новое поколение начало призывать своих родителей к ответу за их грехи. Чем больше немцы узнавали о своих преступлениях, тем больше понимали, как легко отделалась их страна. Добрые дела компенсировали то, что люди были избавлены от заслуженного наказания и продемонстрировали себе и миру, что человек изменился. Нация грешников превратилась в нацию святых. С этой точки зрения, все, что они делают — от переработки стекла и бумаги до помощи бедным во всем мире, — в конечном счете проистекает из нечистой совести⁹.

Моральное переустройство Германии — намного более богатая и удивительная история, чем эта, и я стремлюсь раскрыть и объяснить ее сложность вместо того, чтобы сводить всю мотивацию к вине. То, что память о холокосте занимает центральное место в немецкой идентичности, не означает, что все, что немцы делают и о чем заботятся, порождено этими воспоминаниями. Волонтерство, уход за больными, защита окружающей среды — и этот ряд может быть продолжен — имеют свою собственную историю. Семья и работа, доходы и траты, богатство и благосостояние, промышленность и природа — все эти сферы были наполнены идеями о правильном и неправильном, достойном и недостойном поведении, о том, что считается справедливым, о том, что люди должны друг другу и миру. Все вместе это создало объемную мораль. Хотя этот процесс и получил импульс от “проработки

прошлого” в 1960-х годах, но он к нему не сводился и был запущен ранее. Продолжается он и по сей день.

Между 1949 и 1990 годами Германия представляла собой две страны, каждая из которых имела свои собственные идеи о том, какой тип общества она хочет построить, но каждая стремилась изменить взгляды и поведение своих граждан. В ГДР уроки социалистической морали пронизывали повседневную жизнь — первый день детей в школе, рабочее место с его “бригадами” (социалистическими командами), “сообщества жильцов” (*Hausgemeinschaften*) дома, “пенсионерские бригады” в старости. Насколько близко они подошли к формированию нового человека, творящего “добрые дела для социализма”, как того требовала четвертая из социалистических “десяти заповедей”? Западная Германия родилась как либеральная демократия с парламентом и свободными выборами, но ей необходимо было поддерживать толерантность, дискуссии и гражданскую активность, и это полная противоположность тому, что культивировалось при нацистах. Обе страны столкнулись с историческими проблемами социальной справедливости, поскольку им приходилось интегрировать, помимо немногих оставшихся в живых евреев, миллионы граждан, чья жизнь лежала в руинах: ветеранов-инвалидов, солдатских вдов, жертв бомбежек, вернувшихся и пропавших без вести военнопленных, а также 12 миллионов этнических немцев, изгнанных из Восточной Пруссии, Силезии, Судетской области и других территорий. Их разговоры о жертве часто звучали самодовольно и могли восприниматься как лицемерие, поскольку большинство приветствовали Гитлера и поддерживали войну, которая стала причиной всех их тягот. Тем не менее было бы ошибкой сводить рассказы о страданиях к попытке скрыть свою вину. Люди боролись за признание и помощь, заявляя о справедливости, правах и солидарности. Чего они могут ожидать от государства, было предметом напряженных дискуссий с разными ответами в Восточной и Западной Германии. Но существовал и вопрос, чего государство может ожидать от своих граждан, и перевооружение в ядерный век сделало его экзистенциальным. Проблема, как совместить солдатский долг и самопожертвование (некоторая дополнительная честь) с совестью гражданина, разделяла не только казармы, но и всю нацию.

В своих конституциях оба государства обещали равенство. Но для женщин, меньшинств и людей с ограниченными возможностями реальность часто не соответствовала заявленному, и их борьба проливает интересный свет на то, что считалось нормальным по обе стороны границы. Так же, как и отношение к чужакам. В 1989 году Западная Германия, страна с населением в 63 миллиона человек, была домом для 5 миллионов иностранцев, в основном так называемых “гастарбайтеров” из Южной Европы, которые прибыли в 1950-е и 1960-е годы и решили остаться. В ГДР с 16 миллионами гра-

ждан иностранцев было меньше — 160 тысяч человек, в основном студентов и рабочих-контрактников из Вьетнама, Польши и Мозамбика. В отличие от групп, прибывших еще раньше из Силезии или Судетской области, эти чужаки не могли претендовать на немецкое гражданство, которое определялось кровью с 1913 года. Гости сыграли свою роль в преобразовании Германии, и их опыт позволяет нам увидеть трудности приезжих, чьи раса, религия и образ жизни отличаются от остальных. Миграция и убежище стали особенно взрывоопасными темами, поскольку они затрагивают суть того, что значило (и значит) быть немцем.

На протяжении десятилетий раздел Германии выглядел как приговор истории. Неожиданное падение Берлинской стены в 1989 году открыло новую главу в поисках страной своего “я”. Воссоединение изменило как биографии, так и границы. Мир восточных немцев перевернулся. То, что было правильным или неправильным, хорошим или плохим, справедливым или несправедливым, внезапно перестало быть таковым. Миллионы граждан увидели страну, в которой они выросли, работали и воспитывали свои семьи, осужденной как незаконную, бесчеловечную диктатуру. Осенью 1989 года восточные немцы изначально бросили вызов режиму, скандируя: “Мы — народ”. Вскоре лозунг сменился другим: “Мы — один народ”. Но насколько близка к единству новая Германия три десятилетия спустя?

Для миллионов турецких, греческих и других мигрантов, сделавших своим домом Кёльн или Западный Берлин, как и для вьетнамских рабочих в Росток или Восточном Берлине, хор “Мы — один народ” приобретал более зловещее звучание. Возможность получить гражданство открылась для них в 2000 году, но приобщение к национальной идентичности было открыто в куда меньшей степени, и отчасти потому, что коллективная память о преступлениях нацизма значила, что именно этнические немцы помнят грехи своих отцов. Культурная открытость и признание людей “миграционного происхождения”, как их официально стали называть, должны были бороться с насилием, расизмом и антисемитизмом, которые никогда не исчезали ни в одной, ни в другой частях страны.

Воссоединение дезориентировало также и международное сообщество. В Европе нотации Германии о хорошем ведении домашнего хозяйства, обращенные к якобы ленивым и расточительным народам Средиземноморья во время долгового кризиса (2010–2015), почти раскололи Европейский союз, в развитие которого Западная Германия так усердно вкладывалась на протяжении предыдущей половины столетия. Окончание холодной войны расширило пропасть между экономическими амбициями Германии и ее военно-стратегической сдержанностью. В то время как немецкие компании продвигались в Восточную Европу и Китай, правительства Германии оставались в стороне от международных дел. Время от времени какой-нибудь политик

говорил, что стране необходимо бороться за демократию, но армия сократилась, а зарубежное участие было редким и ограниченным. Немцы гордились тем, что извлекли урок из истории, но в чем заключался этот урок, было понятно все меньше. Означали ли слова “Никогда больше” Гитлеру и Аушвицу автоматическое вето на отправку немецких солдат в бой или, наоборот, решение отправить их туда, чтобы предотвратить повторение агрессии и геноцида? Как показала Боснийская война 1992–1995 годов, во мнениях по этому вопросу немцы расходились все сильнее.

Но не только великие темы войны и мира и нацистского прошлого в Германии обсуждаются с моральной точки зрения. Заключительная часть этой книги исследует три важнейших области, где моральные идеалы реализуются в повседневной жизни с разными результатами: деньги, социальное обеспечение и окружающая среда. Каждый из них несет в себе национальные идеалы и стереотипы немецких добродетелей, которые необходимо проверить и оценить.

Бережливость часто изображается как определяющая черта немецкого характера, но после того как сбережения были уничтожены сначала в результате гиперинфляции 1923 года, а затем в результате конвертации валюты в 1948 году, она вряд ли возродилась естественным образом и требовала постоянных проповедей и стимулов со стороны правительства, банков и школ, чтобы выглядеть привлекательной. Что люди на самом деле делали со своими деньгами и вели ли себя действительно более ответственно, чем соседи, — это вопросы, требующие исследования. Рост неравенства с 1980-х годов не был чем-то особенным для Германии — что делало его настолько тревожным, так это то, что он противоречил глубоко укоренившимся представлениям о заслугах и справедливости. *Wirtschaftswunder* (экономическое чудо) послевоенных десятилетий убедило людей рассматривать свой успех как доказательство национального идеала *Leistung* (производительности), где упорный труд окупается. Что случилось с этими идеалами, когда бедным людям, у которых была работа, пришлось обратиться к пособиям, в то время как богатые наследники становились только богаче?

То, что люди должны друг другу, лежит в основе морального самопонимания общества и проявляется в том, кто о ком заботится. В Германии благосостояние приняло особую форму — субсидиарности, при которой обязанность заботиться сперва переходит от семьи к местному сообществу и церкви, прежде чем стать задачей государства. Германия является *Sozialstaat* (социальным государством), конституция которого требует, чтобы государство заботилось о своих гражданах, но оно в значительной степени опирается на семью, что имеет глубокие последствия для гендерного неравенства, поскольку большая часть заботы и ухода все еще ложится на плечи женщин.